

Труд. - 1990. - Май. Третья.

ЗНАКОМЫЕ ИМЕНА

ТОНИНО ГУЭРРА

В эти дни в нашей стране проходит фестиваль «Город Римини и кино». Он продлится 2 месяца, в течение которых в кинотеатрах будет показано более 40 классических и новых итальянских фильмов. В его программе — ретроспективы фильмов Федерико Феллини, Тонино Гуэрры, Барбары де Росси, Дины Сассоли. Римини — это небольшой город неподалеку от Рима, который, как сказал на пресс-конференции в Москве Джорджо Лизи — начальник отдела культуры муниципалитета Римини, любит кино и любим кинематографистами. В нем расположена богатая фильмотека, проводятся престижные кинофестивали. Римини — это еще и большая «съёмочная площадка», полюболюбившаяся кинематографистам во многих итальянских фильмах, например, знаменитом феллиниевском «Амаркорд» мы видим именно этот город. Интересно, что в маленьком Римини есть улица Андрея Тарковского...

В составе делегации итальянских кинематографистов был прославленный поэт и киносценарист Тонино Гуэрра, автор сценариев широко известных у нас фильмов — «Дорога длиною в год», «Брак по-итальянски», «Подсолнухи», «Амаркорд», «Сиятельные трупы», «И корабль плывет», «Ностальгия», «Джинджер и Фред». По сценариям Тонино Гуэрры снимали фильмы прославленные режиссеры: Федерико Феллини, Джузеппе де Сантис, Элио Петри, Микеланджело Антониони, Витторио де Сика, Питер Вуд, Марио Моничелли, Луиджи Дзампа, Андрей Тарковский... Всего в творческой биографии Гуэрры — почти 70 фильмов. А 16 марта, будучи в Москве, он отметил свое 70-летие.

Отвечая на поздравления присутствовавших на пресс-конференции советских журналистов, синьор Тонино сказал:

— Я рад, что в эти дни я здесь. Я очень люблю Россию, мне близок дух России. Благодарен советским хирургам, которые в институте Бурденко успешно сделали мне серьезную операцию. Кроме того, я женат на русской.

— Что вы можете рассказать о вашем общении с Андреем Тарковским?

— Я всегда восхищался его работами. Когда у Андрея возникли сложности, я и моя жена сделали все возможное для того, чтобы он смог приехать в Италию. Мы вместе работали над его фильмом «Ностальгия»...

Не могу забыть последних минут его жизни. Знаю о них со слов нашего общего друга Франко Терилли. За день до смерти Тарковского он приходил в клинику. Андрей сказал: «Позвони мне завтра, я скажу тебе что-то очень важное». Когда Франко позвонил, у Андрея хватило сил только на то, чтобы взять трубку. Он держал ее и молчал. Это было десятиминутное — предсмертное, прощальное — молчание... А недавно я виделся с его сыном и явственно вспомнил все, что пережил мальчик. Это была поистине драма. Три года он прожил в Москве с бабушкой, в разлуке с родителями. У него была карта Италии, и раз в неделю, когда родители ему звонили, он говорил, например: «Увидимся во Флоренции в 6 часов». И Андрей с Ларисой спешили во Флоренцию к 6 часам, чтобы «увидеться» с сыном...

— Ваш жизненный опыт отражается каким-то образом в сценариях?

— Когда моей матери было 84 года, пришел к ней доктор. Мама была неграмотна, но знала, что женщина не должна выдавать свой возраст. Доктор ей говорит: «Я должен знать, сколько вам лет, чтобы правильно назначить лечение». Она в ответ: «Мне 20 лет и много-много месяцев». Я бесстыдно «продал» эти слова в кино. Вы, может быть, вспомните их — в фильме Антониони «Красная пустыня». А вот слова другой старушки. В маленьком средневековом городке в Апеннинах мы пришли к одной синьоре в ее полуразрушенный дом. Была зима, маленький камин плохо отапливал кухню площадью полтора на полтора метра и огромную комнату. Через потолок было видно небо. Увидев весь этот ужас, актер Джаннини сказал: «Мы сейчас же попросим мэра все починить, чтобы у вас было тепло». «Нет-нет, — ответила старая синьора. — Оставьте все, как есть. Если что-то изменится в доме, изменится и моя память. О том, как мы жили здесь с мужем». Я привел эту фразу в своей поэме. А еще в одном фильме — слова старой грузинки из Боржоми. Я приехал туда в 6 утра, она подметала сухие листья и неожиданно сказала: «После нас не будет больше нас».

Во время войны Гуэрра был в плену в Германии. Вот что он рассказывает об этом горьком времени:

— Я жил тогда глупо — как всегда, впрочем. Спросите, почему? Да потому, что вокруг царила смерть, а я все воспринимал как пьесу, которую надо написать, как спектакль, который надо поставить. С той только разницей, что смерть угрожала и мне, что мучился и я, а взгляд со стороны мне был дарован Богом и был моим спасением. И все пережитое сказалось на дальнейшей работе. Например, в одном фильме я не скрыл своего нежного отношения к проституткам — я вынес это оттуда, из фашистского лагеря. Там молодые итальянские проститутки из Брешии, обслужив немцев, получившие за работу хлеб и яблоки отдавали нам, пленным. Простите, мне слезы мешают... Мы были молодые и очень голодные. Когда нас освободили, была... огромная тишина. Мы открыли дверь — никого нет. А выйти за дверь не посмели. Так и стояли целый день. Один осмелился выйти — и тут же вернулся. А трое или четверо все же вышли. Мы пересекли поляну и увидели поезд. Нам он показался очень длинным, чуть ли не в 4 километра, он был полон еды и одежды. Все это немцы наворовали во Франции и оставили. Я испытывал бешеную ненависть к немцам. Мы заметили на другой стороне поляны толпу людей с чемоданами. Это были немцы. На

крыше поезда стояли пулеметы. Как нам хотелось расстрелять всех! Вдруг мы увидели, как из черной толпы к нам стремительно движется что-то светлое. К поезду бежали светловолосые дети. Подбегают к нам и целуют...

Еще одно воспоминание. За порогом лагеря я увидел бабочек. Через 40 лет я написал стихи: «Доволен, очень доволен я был много раз, но больше всего, когда меня освободили из германского плена и когда я стал смотреть на бабочку без желания ее съесть».

— Синьор Гуэрра, что вы думаете о современном итальянском кино? Не ощущаете ли ностальгии по великому прошлому?

— Я принадлежу к группе наших старых кинематографистов, и мне было бы неловко говорить, что все сделанное нами — прекрасно. Молодые имеют право заявить: наша роль в кино не менее ответственна — нам труднее, ибо люди расстались с большой мечтой. И зрители, и кинематографисты утратили жар сердца, на нас слишком давит рынок, а действительность мы все больше воспринимаем как большой спектакль. Согласитесь, разве не так же и вы смотрите по телевидению заседания Верховного Совета?.. А наше телевидение показывает в прямом эфире даже военные действия — и мы оказываемся их зрителями, это для нас тоже спектакль. За телевидением — будущее, это аксиома. Но будет ли оно работать на гуманизм — эту задачу нам еще предстоит решать.

Что меня еще тревожит... Засилье английского языка в нашем кино. Разговор это отнюдь не политический. Понимаете, американские продюсеры вкладывают 10 миллиардов в производство итальянского фильма — ну и вправе просить нас брать на главные роли американских актеров. В конце концов оказывается, что в итальянском фильме, взявшем первый приз на фестивале в итальянской Венеции, все актеры говорят по-английски. Но актеры эти — итальянцы, которые вынуждены говорить «я люблю тебя», не жестикулируя. Вы представьте себе итальянца, который говорит такое, держа руки по швам! Да это кулак, а не итальянец.

— Как вам удается находить общий язык с режиссерами?

— Моя основная работа — стихи. Видимо, каждый режиссер берет из моих сценариев, как из поэзии, то, что близко ему. Может быть, потому меня понимают и принимают самые разные зрители. Как поэт я стараюсь реализовать себя не только в стихах, но и в жизни. В моей долине, в маленьком средневековом городке я посадил сад забытых деревьев. Тех, что исчезают, становятся редкими. Дети, которые придут в этот сад, будут открывать прошлое через запахи, через вкус воздуха, которые им уже неизвестны...

В прошлом году я попросил у властей одного городка предоставить в мое распоряжение старую заброшенную церковь — грязную, некрасивую, засиженную голубями... Всю Италию волновала тогда судьба Адриатического моря. А я написал стихи: «Море — это длинная синяя полоса». С помощью моих учеников-художников я отреставрировал церковь, и люди, которые, придя сюда, ступают на устилающий ее пол ковер из трав, любят на керамические волны в алтаре, знают: это место, куда море приходит спать. Оно не погибнет, оно будет только спать, отдыхать — и просыпаться. Если вы отрешитесь от суеты, вернетесь в детство, вы поверите: на земле может быть место, куда море приходит спать.

— Синьор Гуэрра, что, на ваш взгляд, роднит наши народы?

— Крестьянское остроумие, крестьянская духовность. Радость жизни. Но вам и нам угрожает болезнь потребительства. Жаль будет, если она поразит добрые чувства, живущие в людях обеих наших стран. И еще у нас общее трагическое прошлое, которое нельзя забыть, ибо в памяти о нем — простая, земная радость будущей жизни.

Записала
Е. БЕЛОСТОЦКАЯ.